

УДК 343.1(091)

**ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ, ИСПРАВЛЕНИЯ
СУДЕБНЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
ОШИБОК В ПЕРИОД ДО 1864 ГОДА**
**History of the Russian Legal Regulation Detection,
Correction of Judicial Criminal Procedural Errors in the Period Until 1864**

С. Х. Савченко – мировой судья судебного участка № 41 Тюкалинского района Омской области, соискатель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

S. H. Savchenko – Magistrate Court Plot Number 41 of the Tukulinsk District of Omsk Oblast, the competitor of the Criminal Procedure Omsk Academy of MVD of Russia

***Аннотация.** В статье рассматривается история выявления и исправления уголовных ошибок. Проанализирована Новгородская судная грамота 1456 г., Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г., Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1715 г., Указ «О форме суда» 1723 г.*

This paper examines the history of criminal identification and correction of errors. The Novgorod court charter in 1456, Sudebnik 1497 and 1550., Catholic Code of 1649, Quick image processes or litigation in 1715, the Decree “On the shape of the court” in 1723 are analyzed.

***Ключевые слова:** судебная процессуальная ошибка, памятники права.
Forensic procedural error, Monuments Law.*

Современный уголовный процесс сам по себе не может быть правильно осмыслен вне связи с прежними этапами его развития, иначе останутся нераскрытыми глубинные механизмы, образовавшиеся когда-то давно, но действующие сегодня и в значительной мере определяющие будущее. Без исследования истории невозможно понять современное состояние уголовно-процессуальной политики и уголовно-процессуального законодательства. В условиях происходящих преобразований отчетливо видно, насколько важны анализ прошлого, объективное и тщательное изучение истории. Такой анализ позволит дать оценку современному уголовному процессу, правильно определить направления его реформирования. Обращение к уголовному процессу прошлого особенно необходимо, потому что процессы, происходящие тогда и сейчас, во многом сходны¹.

Сам по себе термин «судебная процессуальная ошибка» является относительно новым в уголовно-процессуальном законодательстве и уголовно-процессуальной науке. Тем не менее возможность существования уголовно-процессуальной ошибки в судебном разбирательстве учитывалась законодателем практически в самых первых нормативно-правовых актах, в которых содержались уголовно-процессуальные нормы. В правовых актах предусматривались процедуры переоценки результатов деятельности органов, его осуществлявших. Анализ уголовно-процессуального законодательства Древней Руси позволил обнаружить процедуру, именуемую «пересуд».

Первое упоминание о судебной деятельности, связанной с пересмотром дела, нами было обнаружено в Новгородской судной грамоте

¹ См.: Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / под ред. В. З. Лукашевича. СПб., 2003. С. 126.

1456 г., которая ограничивалась узаконениями о суде и порядке суда, в том числе о процедуре пересмотра судебного решения, но без указания причин такого пересмотра.

Согласно Новгородской грамоте под пересудом понималось повторное рассмотрение дел высшей судебной инстанцией, коей являлись наместник великого князя с тиуном – специальным должностным лицом новгородской администрации (ст. 3). При этом разделение на отрасли законодательство не предусматривало, пересуд являлся единым как для гражданского, так и для уголовного судопроизводства². Интересно, что в целях реализации указанной позиции в ст. 6 Новгородской судной грамоты была обозначена система судебных органов.

Закон предусматривал определенные требования к пересмотру судебного решения.

Критерием законности вынесенного судебного решения являлась неизменность состава суда (ст. 20) – общее условие судебного разбирательства, дошедшее до наших дней. Пересмотр судебного решения судом нижестоящей инстанции осуществлялся посредством изучения протокола судебного заседания, ведение которого было обязательным требованием, предусмотренным в ст. 21 грамоты. Судебные дьяки должны были записывать выступления участников процесса (розказчиков), а последние – ознакомиться с записью и в знак согласия с нею приложить свои печати.

Таким образом, можно говорить, что процедура рассмотрения судебного дела безотносительно к конкретной отрасли права имела большое значение и, будучи зафиксированной в протоколе судебного разбирательства, позволяла выявлять в том числе и процессуальные нарушения как основания к вынесению иного решения по делу или изменение такого решения.

В статье 64 Судебника 1497 г. определялся порядок пересмотра дела по жалобе сторон, так называемый пересуд³. В отличие от доклада, когда дело поступало на рассмотрение вышестоящей инстанции независимо от желания сторон, пересуд наступал лишь по жалобе стороны и мог быть прекращен, если во время доклада обе стороны признают правильность судебного списка. Пересуд допускался не по любому делу, а лишь

в тех случаях, когда одна из сторон оболживит, т. е. подвергнет сомнению судебный список (протокол судебного заседания).

Боярская дума была, наряду с великим князем, ревизионной инстанцией, служащей способом исправления судебных ошибок.

Судебник 1550 г. содержал основания пересмотра решений суда нижестоящей инстанции, аналогичные тем, которые были отражены в Судебнике 1497 г.

Институт доклада (сохранившийся до наших дней при пересмотре уголовного дела в надзорном порядке), встречающийся ранее в Новгородской судной грамоте (ст.ст. 6, 20, 26, 28, 42), представлял своеобразную форму контроля вышестоящего суда над нижестоящим, содействуя осуществлению безошибочного судопроизводства, в том числе по уголовным делам.

Статья 19 Судебника 1550 г. предусматривала возможность отмены неправильного решения судьей вышестоящим судом и представляла лицу право повторного рассмотрения дела этим судом. Порядок напоминал современное апелляционное судопроизводство. Это способствовало усилению авторитета суда и защите прав господствующего класса⁴.

Займствуя ряд положений ст. 19 Судебника 1497 г., ст. 2 Судебника 1550 г. не ограничивается указанием на необходимость пересмотра неправильного судебного решения, а специально оговаривает случай, когда неверное решение вынесено судьями бесхитростно, т. е. вследствие добросовестного заблуждения, ошибки или неопытности судьи: «А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или диак просудится, а обвинит кого не по суду *безхитростно*, или список подпишет и правую грамоту даст, а обыщется то в правду, и боярину, и дворецкому, и околничему, и казначею, и диаку в том пени нет; а истцом суд з головы, а взятое отдати»⁵.

Судьи за такое решение ответственности не несут, ибо в их действиях нет состава преступления. И напротив, судья привлекался к ответственности за вынесение неправильного решения в результате получения взятки.

В продолжение этой идеи в Соборном уложении 1649 г. (далее – Уложение), в первых 23 ста-

² См.: Стешенко Л. А., Шамба Т. М. История государства и права России : академический курс : соч. в 2 т. М., 2003. Т. 1 : V – начало XX в. С. 142.

³ См.: Российское законодательство X–XX веков. М., 1991. Т. 2 : Судебник 1497 г. С. 94.

⁴ Там же. С. 76.

⁵ Там же. С. 97.

тях главы X «О суде» предусмотрена система гарантий, способствующих предотвращению совершения судебных, в том числе и процессуальных ошибок. В ст. 10 Уложения речь шла о типичной судебной ошибке: «А будет которой боярин, или околничей, или думной человек, или диак, или кто ни буди судья, просудится, и обвинит кого не по суду *без хитрости*, и сыщется про то допряма, что он то учинил *без хитрости*, и ему за то, что государь укажет, а дело вершити всем бояром. А будет того дела всем боярам за чем вершити будет не мощно, и в том деле дати суд з головы»⁶. Так, совершив судебную ошибку, дело по правилам суда 1 инстанции пересматривалось боярами, выносилось решение, которое больше обжалованию не подлежало. В названных выше юридических памятниках были уже сформулированы основания пересмотра судебного решения, в том числе если оно было вынесено ошибочно. В порядке судопроизводства предусматривается процедура по пересмотру судебного решения, носящая черты апелляционного судопроизводства. Правосудию того времени характерно требование объективности и всесторонности исследования обстоятельств дела, а также обязательность ведения протокола судебного заседания.

К началу царствования Петра I розыскной порядок находил все больше применения, вытесняя из области уголовного правосудия остатки состязательного процесса. Статья 6 Краткого изображения процессов или судебных тяжб 1715 г. предусматривает возможность обжалования приговора лишь ввиду его строгости, причем только осужденным лицом. Впервые за всю историю уголовно-процессуального законодательства пересмотру судебного решения посвящена целая глава «О уничтожении приговору».

Ст. 1. Оное уничтожение приговаривающих, ради следующих причин бывает:

(1) когда челобитчик более пунктов, как ответчику предложено, докажет, и судья не имел оных, на его дело приговор учинил. (То есть если судья ухудшил положение осужденного, в то время как объем обвинения обвинителем был заявлен меньше);

(2) ежели судья над таким делом, о котором в суде спору нет, приговор же учинит. (Речь идет о случаях вынесения судьей решения, когда об этом никто не ходатайствовал);

(3) ежели на такое дело, на которое еще не ответствовано, приговор учинит. (Это случаи, когда ответственность за какие-то деяния еще не предусмотрена законом);

(4) буде челобитчик и ответчик оба присягать похотят, а судья без присяги их приговор учинил. (Рассматривается позиция нарушения порядка производства судебного разбирательства с точки зрения дифференциации процессуальной формы ввиду волеизъявления лиц);

(5) когда приговор противогласящийся или

(6) когда оный нагло против прав есть (так сказать, вынесенный с существенным нарушением прав участников).

Указанный перечень являлся исчерпывающим. Среди оснований для отмены приговора чаще выделяются процессуальные нарушения, правда, весьма серьезные. Противоправность как основание для пересмотра дела стоит на последнем месте, причем требуется явное, наглое нарушение закона.

Во втором пункте речь идет о явном злоупотреблении, в третьем – о нарушении одного из многих оставшихся элементов состязательности.

Пятый пункт предъявляет требование к содержанию приговора. В нем не должно было быть противоречий. Уже в начале XVIII в. отечественный законодатель понимал всю необходимость введения требований к уголовно-процессуальным решениям как определенной гарантии против судебной ошибки. И первое требование, получившее закрепление, – непротиворечивость – в действующем уголовно-процессуальном законодательстве – мотивированность судебного решения. Это был серьезный шаг вперед. Соборное уложение не давало ни такого перечня, ни таких оснований для отмены приговора суда. Тем не менее такая трактовка оснований отмены судебного решения не позволяет четко сформулировать отношение государства в тот исторический период к возможным судебным, в том числе процессуальным ошибкам.

Спустя 8 лет в Указе «О форме суда» 1723 г., который явился дополнением к Краткому изображению процессов, была закреплена ответственность судьи за ненадлежащее применение норм закона: «За применение ненадлежащего закона (решение дела по неприличным пунктам) судьи подвергаются наказанию» (ст. 8). Но и в этом случае об отмене приговора речь не идет: лишь о на-

⁶ См.: Российское законодательство X–XX веков. М., 1991. Т. 3 : Соборное уложение 1649 г. С. 103.

личии вины судьи в этом либо ее отсутствии (т. е. «безхитростно»), как в Судебнике 1550 г.

Это позволяет говорить, с одной стороны, о поддержке законодателем стабильности судебных решений, даже несмотря на наличие судебных ошибок, с другой – о сложности отстаивания интересов заинтересованными лицами.

В основном процессуальном памятнике того времени законодатель отвел «уничтожению» (пересмотру) судебных решений отдельную главу. Это был серьезный шаг, подчеркивающий понимание возможности совершения судом ошиб-

ки, необходимости ее исправления исключительно предусмотренными в законе способами.

Использование такого приема юридической техники, как сосредоточение всех правил, связанных с пересудом, в одной главе, в то время, возможно, было оправдано. Таким образом, законодательство того периода не имело четкого разделения гражданского и уголовного судопроизводства, являясь симбиозом отраслей права, тем не менее были сформированы процессуальные предпосылки становления и развития правового регулирования пересмотра судебных решений.